

Авреем наклонился, чтобы снять защитную маску, когда волна тошноты подступила к горлу. Он поднял респиратор ровно настолько, чтобы открыть рот — практика, которую быстро изучил каждый рабочий в перерабатывающих залах — и его вырвало кровавой пеной тканей лёгких и желудка. Он сплюнул полный рот вязкого пепла и стекловидных остатков плазмы и вытер потрескавшиеся губы тыльной стороной перчатки.

— Поспешите, крепостной Локк, — произнёс Вреш, опустив репульсорный диск и положив основание кинетического жезла ему на плечо. — Не заставляйте меня воспользоваться этим.

Авреем уже почти хотел, чтобы Вреш снова говорил резкими взрывами машинного кода. По крайней мере, ему не пришлось бы с пониманием выслушивать грубую речь надсмотрщика. Вреш, наконец, сообразил, что, сколько бы он не повышал голос, двоичный код всё равно не становится понятнее, потому что его не могут перевести.

По иронии судьбы именно Крушила помог расшифровать приказы Вреша. Примитивная аугметика, внедрённая в мощное тело огрина, включала бинарный подчинённый передатчик, который сохранил достаточно выцветших идентификационных маркировок, чтобы Авреем убедился в его гвардейском происхождении. Сам Крушила не помнил ничего о прежней жизни до работы в портовом баре, но наиболее вероятным казалось, что он служил в одной из недочеловеческих когорт, приданных к Джоурскому полку, возможно в команде технопровидца.

Вреш оказался злопамятным надзирателем, мелким бюрократом, который упивался своей второсортной должностью. Он жёстко управлял крепостными, охотно прибегая к тяжёлым ударам кинетического жезла, и заставлял их работать буквально до последней секунды, прежде чем гигантские плазменные цилиндры вываливали взрывные отходы.

— У меня лёгкие горят, — сказал Авреем, пытаясь вздохнуть. — Я не могу дышать.

— У тебя пять секунд, прежде чем я прибегну к исправительной стимуляции.

Авреем кивнул, смирившись с болью, у него уже просто не осталось сил. Некоторые из крепостных, которые больше не могли работать, добровольно соглашались на хирургическое рабство, но он давно поклялся не пасть так низко. Вреш подлетел ещё ближе, конец кинетического жезла загудел, накапливая энергию.

— Эй, в этом нет никакой необходимости, — произнёс Хоук, пробираясь по кучам острых плазменных осколков вместе с Крушилой. — Мы займёмся им. Он в порядке.

— Да, смена уже почти закончилась, не надо угрожать, а? — добавил Койн.

Крушила помог Авреему подняться, и тот благодарно кивнул Хоуку и Койну, когда прочитал корабельное время в строчках кода, ползущих внутри стен. До конца смены оставалось пятьдесят пять минут. Авреем задумался, как ему удастся продержаться так долго, и тут

увидел нечто, вызвавшее прилив адреналина в несчастное разрушенное ядовитыми отходами тело.

На сводчатом потолке перерабатывающего зала мерцали гневные раненые вспышки кодового огня, напоминая красный рубец на коже, перед тем как игла прокалывает вену. Вреш также почувствовал неладное и недоумённо осматривался, пока на потолке росло пятно пылающего света.

— Это что ещё за хрень? — спросил Хоук, вытирая грязной рукой стёкла противогаза.

Авреем прочитал разлетавшийся брызгами предупреждающих данных безумный код, и увидел в бинарном страхе истинную картину разыгравшейся на верхних палубах катастрофы. Порабощённые крепостные по всему залу прекратили работу и смотрели на странное зрелище на потолке.

— Мы должны бежать, — выдохнул он. — Немедленно.

— Почему? Что происходит?

— Плазменная камера сгорания пробита! — крикнул Авреем, затем повернулся и бросился к закрытым воротам со всей скоростью, какую только мог развить в защитном скафандре. — Бегите все! Бегите, во имя яиц Тора, бегите!

— Стоять немедленно! — рявкнул Вреш. — Крепостной Локк прекратите и воздержитесь от всех попыток покинуть этот зал. Дальнейшее неповиновение приведёт к принудительному хирургическому рабству.

Авреем проигнорировал надсмотрщика и продолжил бежать, тяжело ступая по очищенному участку палубы, где уже прошли промышленные сортировщики и щётки. От гула жезла Вреша заслезились глаза, но у него не осталось сил увернуться. Жезл коснулся середины спины, и оглушительный удар кинетической энергии заставил Авреема растянуться на палубе. От удара из лёгких выбило воздух, он перекатился на спину, а Хоук и Койн бросились к нему.

— Стоять немедленно! — рявкнул Вреш. — Крепостной Локк прекратите и воздержитесь от всех попыток покинуть этот зал. Дальнейшее неповиновение приведёт к принудительному хирургическому рабству.

Авреем проигнорировал надсмотрщика и продолжил бежать, тяжело ступая по очищенному участку палубы, где уже прошли промышленные сортировщики и щётки. От гула жезла Вреша заслезились глаза, но у него не осталось сил увернуться. Жезл коснулся середины спины, и оглушительный удар кинетической энергии заставил Авреема растянуться на палубе. От удара из лёгких выбило воздух, он перекатился на спину, а Хоук и Койн бросились к нему.

— Ты в порядке? — спросил Хоук.

— Мы должны бежать, — ответил Авреем. — Мы можем в любое мгновение оказаться по горло в плазме.

Он изо всех сил старался встать, руки и ноги всё ещё не слушались из-за болезненной нервной стимуляции жезла Вреша. Надзиратель подлетел на репульсорном диске и нацелил пульсирующий посох в грудь Авреема.

— Возвращайся к работе, крепостной, — сказал Вреш. — Или следующие удары разорвут твою нервную систему сквозь кожу.

Авреем посмотрел вверх и увидел, как крошечное пятнышко света отделилось от потолка, падая почти по ленивой параболе, которая оказалась всего лишь оптическим обманом. Капелька плазмы упала с идеальной синхронностью предопределения, и Авреем не стыдился позже признать, что ему очень понравилось дальнейшее развитие событий.

Капля приземлилась точно на макушку стального черепа Вреша и прошла насквозь, словно высокомощный лазер. Костный мозг в теле вспыхнул, и синее пламя вырвалось из аугметических глаз и соединительных разъёмов. Кости мгновенно сплавилась и кусок обугленной плоти и имплантированного металла рухнул на палубу с влажным стуком дымивших останков.

— Святая Терра! — завопил Койн, в ужасе пятась от того, что мгновение назад было человеком.

— Какого чёрта...? — выпалил Хоук.

— Быстрее! — крикнул Авреем. — Мы должны бежать. Немедленно.

— Не возражаю, — ответил Хоук, повернулся и устремился к выходу. Койн последовал за ним, сзади неуклюже двигался Крушила. Авреем оказался последним, потому что от кинетического удара ноги и руки еле двигались и дёргались.

Свет на потолке становился всё ярче, пока не омыл весь зал болезненным белым сиянием. От места первоначальной утечки протянулась паутина пылающего света, расширяясь там, где целостность конструкции потолка начала сдавать. Упали новые капельки плазмы, и со стороны казалось, что просто заморосил небольшой дождик. Но там где они приземлялись, вспыхивал огонь, вновь зажигая токсичные отходы камер сгорания или поджигая промасленные защитные скафандры крепостных.

Стратифицированные слои летучих паров, остававшиеся за пределами порога возгорания благодаря напряжённой работе гудящей системы вентиляции, резко увеличились в объёме,

смешавшись с горячей плазмой. Карманы легковоспламеняющегося газа взрывались по всему помещению, а светившиеся трещины в потолке становились всё ярче и ярче.

— Откройте ворота! — закричал Авреем, когда морозящий за спиной дождь раскалённой добела плазмы превратился в падающую завесу огня. Предсмертные крики крепостных обрывались, перегретый воздух превращал в пар их респираторы и высасывал воздух из лёгких.

— Они на хрен заперты, не так ли? — сказал Хоук, оглянувшись, когда часть потолка обрушилась и плазма хлынула в зал. — Только Вреш мог открыть их.

— Не только Вреш, — ответил Авреем. — По крайней мере, я на это надеюсь.

Он положил руку на арочные ворота и считал данные простого духа-машины замка. Его сознание едва ли был достоин имени, обычная двойная функция. Авреем изучил принцип его работы и направил бинарный импульс из аугметированных глаз. Замок сначала сопротивлялся, не привыкнув к нему и пугаясь нового прикосновения, но затем уступил, когда Авреем зашептал молитву, которой научил его отец, когда он был маленьким мальчиком.

— Ибо мы призываем волю Бога Машины. Сим мы соединяем то, что было сломано.

Замок открылся, и бронированные ворота начали опускаться в пол со скрежещущим грохотом медленно поворачивающихся механизмов. Первым перелез Хоук, за ним быстро последовали Крушила и Койн. Авреем прыгнул как раз в тот момент, когда ревущий треск и ослепительная вспышка возвестили о том, что весь потолок за их спинами наконец-то обрушился.

— Закрывай! Закрывай! — завопил Койн, когда волна бурлящей плазмы устремилась к воротам.

Авреем положил ладонь на пластину запирающего механизма снаружи зала.

Он снова заглянул вглубь сердца духа замка и произнёс. — Машина, закройся.

Казалось, что ворота поднимаются с мучительной медлительностью, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы помешать океану жгучей плазмы хлынуть за пределы перерабатывающего зала. Струя обжигающего пара и слой опалённого железного шпата прорвались над верхними створками, но эти ворота спроектировали выдерживать повышенную температуру и давление, и они устояли под натиском жаркой как солнце плазмы.

Авреем тяжело выдохнул и положил голову на горячий металл ворот.

— Спасибо, — сказал он.

Хоук и Койн держались за бока и с жадностью дышали застоявшимся воздухом.

— Вот дерьмо, это было так близко, — произнёс Хоук, почти смеясь от облегчения.

— Что произошло? — спросил Койн. — Все кто остался там мертвы?

— Разумеется, мертвы, — огрызнулся Авреем. — Они превратились в пар.

— Милосердие Императора, — сказал Койн, опустившись на колени и обхватив голову руками.
— Я больше не выдержу.

— Ты спас нам жизни, Ави, — произнёс Хоук, похлопывая Авреема по спине. — Я считаю, что это чего-то стоит. Что скажете, если я поставлю вам выпивку, парни?

Авреем кивнул. — Сейчас я могу выпить целый баррель твоего пойла.

— Не стоит увлекаться. Сперва заглянем домой.

— Температура плазмы падает по экспоненте, — произнёс магос Блейлок, и его низкорослая свита захлопала короткими ручками, словно он лично спас корабль. — Тесла всё ещё высока, но также падает. Плотность плазмы быстро уменьшается и тепловая кинетическая энергия на частицу достигла безопасных уровней.

Котов выпустил поток молитв на лингва-технис и закрыл глаза, благодаря за отсрочку.

— Сегодня Бог Всех Машин решил, что слуги Его достойны Великой Работы, — сказал Котов, позволив голосу разнестись по мостику. — И мы благодарны за это. Слава Омниссии!

— Слава Омниссии! — произнесли нараспев собравшиеся магосы.

— Живое падёт, — продолжил Котов.

— Но Машина выстоит, — раздался традиционный ответ.

Потоки молитвенного бинарного кода хлынули из инфотоков магосов, когда они стали брать под контроль повреждения, которые получил ковчег. Котов чувствовал его глубокую рану и сильную муку, словно в спину вонзилось смертное копьё.

Но где меньшие суда погибли бы, ковчег Механикус выстоял.

Котов позволил разуму скользить по пульсирующим потокам света, которые струились по всей “Сперанце”, поглощая потоки данных, проходящие по её бесчисленным системам. Каждая из них кровоточила, но они забирали муки системной смерти у самых тяжело пострадавших

машин и включали в собственные процессы. Каждая часть судна страдала от ран, но объединение боли позволило ослабить наиболее сильные повреждения.

По всему кораблю Котов ощущал присутствие тысяч техножрецов, лексмехаников, калькулюс-логи, инфосавантов и способных чувствовать сервиторов, которые составляли экипаж “Сперанцы”. Каждый член Культа Механикус, способный подключиться к манифольду, сделал это, и распевал бинарные гимны успокоения или читал вслух катехизисы преданности и почтения Машине. По отдельности их усилия были почти незаметны, но они сплетались в единую песнь Адептус Механикус, смягчая боль ужасной раны.

Котов позволил своему одобрению влиться в манифольд.

Где ещё кроме Адептус Механикус можно найти столь необыкновенное единство цели?

Хвалебные песни Омниссии омывали его, двойные, тройные и даже четверные винтовые спирали двоичного кода непринуждённо плыли сквозь схемы и светоданные, словно успокаивающий бальзам. Сколь бы ужасными не оказались повреждения самое плохое позади и хотя потеря даже одной машины — тяжёлый удар, Котов понимал, что они ещё легко отделались.

Он почувствовал присутствие Линьи Тихон и направил свой инфопризрак к залу астронавигации, где она с отцом вплетала собственные стихи в целительную бинарную песнь. Он почувствовал волны информации, заполнявшей зал, и изумился, что ничто не пострадало во время приступов цифровой анархии, которые пронесли по ковчегу.

<Архимагос,> приветствовала его Линья.

<Примите благодарность за вашу помощь, госпожа Линья, она была неоценима.>

<Я служу воле Омниссии,> ответила Линья. <На самом деле я сделала очень мало.>

<Вы недооцениваете себя, Линья. Это — неподобающе и заставляет других сомневаться в вас. Сегодня вы доказали свою ценность в манифольде и другие также увидят это.>

Котов почувствовал рост гордости в инфокровотоке Линьи и Виталия и направился дальше к источнику разрушительного плазменного разряда. Сознание архимагоса двигалось вдоль пути, который проложил опаляющий разряд, оплакивая бесполезную потерю столь многих прекрасных машин. Нижние отсеки превратились в мёртвое пустое пространство, где на целых двух палубах выкачали воздух, чтобы лишить плазму кислорода и ионизированной атмосферы. Прискорбное действие, но необходимое.

Он увидел разбитое кладбище зеркал солнечного коллектора правого борта и расплавленные остатки гигантского конденсатора, хранившего накопленную энергию. Даже неисправность

одной такой системы грозила неприятными последствиями, но потеря обеих вела к серьёзной нехватке доступной энергии. Учитывая разрушение одной из главных камер сгорания Котов полагал, что экспедиция окажется перед реальной опасностью непосильного дефицита энергии.

Двигаясь вперёд, он увидел опустошённый тренировочный ангар, где гвардейцы, Чёрные Храмовники и скитарии пытались справиться с сотнями раненых и мёртвых. Ограниченная герметичным ангаром взрывная волна сровняла учебную арену Дахана и убила великое множество лучших воинов Империиума. Котов загрузил списки убитых и раненных, и испытал потрясение от количества погибших и находившихся при смерти.

“Луна Капиталина” стояла в дальнем конце ангара, её руки бессильно свисали вдоль корпуса, пока ревущие вентиляционные клапаны выпускали перегретый пар. Аварийная вентиляция плазменного реактора, догадался Котов. Экипаж отключил титан, полностью исчерпав энергию, и горячий дождь шёл вокруг бездействующей машины, покрыв полосами огромный бронированный корпус и капая с опущенной головы, словно слёзы.

Котов увидел группу техножрецов и сервиторов, спускавших бронированный саркофаг из открытого фонаря рубки “Владыки войны”. Они действовали с величайшей осторожностью, потому что перемещали смертную плоть принцепса Арно Люта, избранного Омниссии и возлюбленного сына битвы. Без него “Луна Капиталина” являлась всего лишь неповоротливым куском священного металла. Лучшие из Адептус Биологис будут работать, не зная сна и отдыха, дабы исправить причину столь ужасной последовательности событий.

“Канис Ульфрика” стоял на коленях перед “Владыкой войны”, правый бок среднего титана вырвало и оплавило жаром взрыва. Котов чувствовал боль “Разбойника” в манифольде, но отметил, что она оказалась вполне терпимой. Криптаэстрекс не испытывал проблем с материальными запасами, а Тарентек, фабрикатус ковчега “Сперанца” мог творить чудеса с повреждёнными машинами, которые считали подлежащими ремонту. “Амарок” и “Вилка” кружили вокруг раненого титана, пока сотни техножрецов и аколитов легио копошились на изувеченном корпусе. Эрикса Скамёльда уже извлекли, и его саркофаг покоился на парящем гравитационном паланкине, пока поющие жрецы ожидали альфа-принцепса.

Даже загрузка записей манифольда обоих титанов мало приблизила Котова к ответу на вопрос, что заставило “Луну Капиталину” стрелять по одному из своих. Он понял, что от полного уничтожения “Канис Ульфрика” спасла магос Гирдрид, которая в самый последний момент стимулировала приводы псевдомышц “Владыки войны” и сбила прицел.

Изучая ужасные разрушения тренировочного зала, Котов уловил на краю манифольда слабый, но безошибочный микроэлемент био-механического запаха магоса Дахана.

<Дахан? Это ты?>

Архимагос не получил ответа, но интенсивность техно-сигнала повысилась. Двигаясь в инфосфере, Котов быстро триангулировал источник техно-сигнала — разбитую БМП, почти

полностью погребённую в руинах упавшего здания — и приказал откопать её ближайшей группе усиленных боевых сервиторов.

Он почувствовал настойчивые призывы командных запросов с мостика, и помчался назад по кабелепроводам судна, пока его сознание снова не оказалось в пределах коры головного мозга. Котов открыл глаза и позволил успокаивающе тёплому морю данных окутать себя.

— Суммируем: повреждения и прогноз, — сказал он. — Магос Блейлок, начинайте.

— Плазменный заряд полностью разряжен. Вентиляция нижних палуб оказалась правильным решением. Несмотря на многочисленные потери механических и смертных компонентов — полный перечень находится в субстратной ноосферной ссылке — “Сперанца” продолжает функционировать в эксплуатационных параметрах. Во время продолжения экспедиции нашими самыми большими проблемами станут потери экипажа и падение энергетических мощностей. Поле Геллера быстро истощит оставшиеся запасы энергии и по рекомендации магоса Азурамаджелли я бы предложил выйти из варп-пространства в течение ближайших двух часов.

— И сколько нам останется лететь? — задал вопрос Котов.

Азурамаджелли ответил, его напоминавший раму каркас направился к парящему изображению системы Валетте. Несколько нутромеров вытянулись из вращавшегося обода под мозговыми колбами, и за внешней границей системы появилась мерцающая светящаяся точка.

— Используя загрузочные способности магоса Тихона, я вычислил оптимальный пункт выхода в пятнадцати днях от границ системы.

— Пятнадцать дней? Это неприемлемо, магос Азурамаджелли, — сказал Котов. — Найдите другой пункт выхода ближе к Валетте.

— Нереально, — ответил Азурамаджелли. — С текущим потреблением энергии не представляется возможным поддерживать поле Геллера достаточно долго, чтобы подойти ближе и сохранить надлежащие запасы.

— К чёрту запасы, — возразил Котов, горячая ярость вырвалась из его тела в красном тумане инфотока. — Найдите более близкий выход.

— К сожалению, магос Азурамаджелли прав, — сказал Сайиксек, развернув в воздухе множество таблиц данных и графиков. — Потеря плазменной камеры сгорания замедляет нас — это слишком большой фактор, чтобы его игнорировать.

— И наши рабочие протоколы предписывают, что мы не можем продолжать полёт без резервов конденсатора, — добавил Криптаэстрекс. — Мы должны вернуться в реальное пространство и развернуть бортовой солнечный коллектор, чтобы зарядить оставшийся конденсатор.

Вероятно, нам придётся забрать половину топлива и энергии у вспомогательных судов или мы даже не доберёмся до Шрама Ореола, не говоря уже о путешествии за его пределы.

— Действительно, — подытожил Блейлок. — Благоразумие диктует отказаться от этой попытки, пока мы не подготовимся лучше.

— Я всё ждал, когда вы предложите это, — сказал Котов.

— Архимагос?

— Вернуться? Ничего бы ты не хотел сильнее, чем нашего позорного возвращения на Марс.

— Уверю вас, архимагос, я не меньше вашего желаю успешного завершения экспедиции.

Котов не считал лжи в инфотоке Блейлока, но не мог заставить себя до конца поверить фабрикатус-локуму. Пауза затянулась, и архимагос понял, что других вариантов у него нет.

— Хорошо, — сказал он. — Займитесь необходимыми приготовлениями к возвращению в реальное пространство.

Авреем, Койн, Хоук и Крушила возвращались по мрачным транспортным отсекам на нижние палубы, где располагались общежития крепостных. Металлический пол стал скользким от влаги и струйки холодного пара вырывались из вентиляционных отдушин, нагнетая морозный воздух в арочные туннели.

— Странное чувство, — произнёс Койн. — Мне эти туннели всегда казались тесными до клаустрофобии.

— Такое вполне возможно, когда сотни крепостных бредут на работу и обратно, — ответил Авреем, стараясь не вспоминать крики умирающих в перерабатывающем зале, когда несчастных поглотила плазменная волна.

— Ещё и холодно, — добавил Хоук.

— Да, и воздух на вкус необычный, — согласился Койн.

— На вкус он... чистый... — сказал Авреем, удивлённый, что не заметил это раньше. Так много времени прошло с тех пор, когда он дышал воздухом, который не был пропущен сквозь фильтры или не содержал пыль и токсины, что он просто забыл вкус чистого воздуха.

— Возможно, после случившегося они запустили системную очистку? — предположил Койн.

— Вряд ли, — возразил Хоук.

— Тогда что, по-твоему, произошло?

— Мне всё равно. Раз воздух стал чище, то это хорошо, но я не поставлю и пука корабельной крысы на причину.

Авреем покачал головой. — Нет, воздух не просто чистый, а холодный. Я в том смысле, что он действительно холодный. Словно его заморозили. И не знаю, как сказать, он безвкусный или что-то подобное.

Друзьям нечего было ему возразить, и они молча прошли оставшуюся часть пути, следуя по гулким туннелям, освещённым танцующими огнями сквозь узкие витражи. Они спустились по маркированной черепом металлической лестнице, миновали широкие ворота, украшенные резными каменными шестерёнками, и поднимающиеся ряды неустанных поршней.

Они не встретили никого, кто объяснил бы отсутствие людей.

Иногда Авреем замечал брошенное на палубу техническое оборудование, но не видел никого, кто бы управлял им. Чем больше герметичных люков они проходили, тем чаще встречали признаки чего-то неправильного.

С тех пор как они стали крепостными никто из них особо не обращал внимания на окружающую обстановку, а постоянное истощение быстро свело на нет любое желание глазеть по сторонам. Но без толчеи вокруг и благодаря внезапной ясности, которая появилась из-за близости смерти, все три человека испытывали возрастающее предчувствие по мере приближения к жилому отсеку.

— Мне это не нравится, — произнёс Хоук.

— Где все? — спросил Койн в точности повторив мысли Авреема.

Наконец они достигли огромного входа в столовую и как только герметичные ворота опустились в палубу, в коридор хлынула стена из сваленных тел, словно вода, прорвавшая дамбу. Над мёртвыми пронеслись порывы морозного воздуха, и Авреем попятился от потока трупов; мужчин и женщин в грязных рабочих комбинезонах крепостных Механикус. Тела выглядели бледными, губы посиневшими, в широко раскрытых глазах читались боль и ужас от внезапной декомпрессии и удушья. У тех, кто отчаянно царапал ворота, ногти покрывала кровь.

— Кровь Тора, — произнёс Хоук, когда скользящая груда тел остановилась. — Какого чёрта здесь произошло?

— Они все мертвы... — выдохнул Койн.

Авреем почувствовал, как ледяной воздух сжимает сердце, когда, наконец, понял причину похолодания в прилегающих туннелях. Он посмотрел на отвесные стены и медленно вращавшиеся лопасти вентиляторов. На жалюзи развевались полосы исписанного пергамента, молитв чистоты и проклятий для свободного прохождения воздуха. Эти молитвы казались ужасной насмешкой, и он старался не думать о том, какое отчаяние охватило людей, когда вентиляторы изменили направление вращения и стали вытягивать воздух, а не втягивать.

— Ублюдки! — закричал он, обхватив своё худое тело руками. Сначала смерти в перерабатывающем зале, а теперь это! Сколько может вынести один человек?

— Как это произошло? — спросил Койн, ещё не сделав неизбежного вывода по трупам с посиневшими губами.

Крушила проложил путь среди мёртвых, поднимая каждое тело в сторону и показав удивительную доброту для столь чудовищно сложенного и на вид недалёкого существа. Авреем последовал за огрином и Хоуком, позволив взгляду скользить по пустым рядам столов, чудовищной тишине и разбросанным испорченным пластовым подносам. Сервиторы так и умерли возле своих раздаточных машин и, хотя большинство трупов лежали кучами у трёх входов, немало тел покоилось прямо под вентиляционными отверстиями, возможно из-за тщетной попытки вновь запустить их.

Хоук проследил за взглядом Авреема и произнёс. — Они выкачали воздух. Они на хрен выкачали весь воздух.

Койн повернулся к Авреему, желая, чтобы тот опроверг Хоука. — Нет, этого же не может быть? Они не стали бы так делать.

Авреем почувствовал, как исчезла последняя крупца его человечности, сменившись сжатой пружиной абсолютного гнева. — Хоук прав. Они выкачали атмосферу с этой палубы в вакуум, вот почему воздух на вкус холодный и неприятный. Его только что восстановили.

— Почему они сделали это? Это бессмысленно.

— Пробоина в плазменной камере сгорания, — вздохнул Авреем, садясь за один из множества свободных столов. — Что бы её не вызвало оно по-видимому оказалось ещё хуже, чем мы думали. Сайиксек, скорее всего, решил выкачать воздух с этой палубы, чтобы вытянуть плазму в космос и потушить огонь.

— Но он убил целую смену крепостных, — сказал Койн, всё ещё не желая признать, что столь чудовищное действие могли совершить преднамеренно.

Авреем вскочил на ноги и схватил Койна за испачканный масляными пятнами комбинезон.

Он бросил Койна в стену и закричал ему в лицо. — Когда ты вобьёшь в свою тупую башку, что Механикус не волнуют наши жизни? Мы — цифры и ничего более. Что особенного в том, что Сайиксеку пришлось убить несколько тысяч крепостных, только чтобы потушить огонь? Всегда найдётся другой мир, где он может насильно завербовать новых рабов, которые будут работать до смерти на его чёртового Бога Машину.

— Полегче, Ави, — сказал Хоук, положив руку ему на плечо. — Койн тебе не враг. Этим ублюдкам Механикус нужно преподать урок или два, верно?

Авреем почувствовал, как ярость спадает и отпустил Койна, стыдливо всхлипнув.

— Мне жаль, — сказал он.

— Всё нормально, — ответил Койн. — Забудь об этом.

— Нет, — возразил Авреем. — Как раз это я не собираюсь делать. Адептус Механикус убили этих крепостных, и вот что я скажу тебе. Кто-то за это заплатит.

Спустя девяносто три минуты “Сперанца” с трудом выпрыгнула из варпа, целостность её корпуса и поля Геллера держались уже на пределе. Магосу Криптаэстрексу пришлось полностью израсходовать все запасы вспомогательной энергии, чтобы поддерживать щиты и достигнуть точки выхода, определённой магосом Азурамаджелли. По настоянию Котова — и к сильному недовольству Азурамаджелли — его транс-имматериумные вычисления были проверены Линьей и Виталием Тихонами, но оба магоса Кватрии подтвердили безошибочность уравнений.

“Сперанца” прорвала барьер между эмпиреями и реальным пространством далеко от границ системы Валетте. Течения, которые пронесли её столь далеко через варп, всё ещё оставались беспокойными и прыжок не прошёл гладко. Ковчег Механикус дрожал, таща оторванные полосы энергий Имматериума, которые цеплялись за корпус и безумно завывали, пока не исчезли в дымке туманного гнева.

Как только обезопасили периметр, открылся борт огромного судна; противовзрывные щиты и герметичные заслонки медленно распахнулись, показался уцелевший солнечный коллектор и начал медленно разворачиваться парус. Комплексные решётки сочленений, кардановых подвесов, вращавшихся лопастей и кратных шарниров развернулись в точном геометрическом балете, и парус в километр длиной и семьсот метров шириной изголодавшихся по энергии батарей нацелился на мерцающий свет далёкого солнца Валетте.

На таком расстоянии от центра системы коллектор соберёт мало энергии, но главной целью был поток горячих нейтронов, текущий вдоль электромагнитно заряженного корпуса, и улавливаемый мощным магнитным полем “Сперанцы”. Почти сразу после полного

развёртывания коллектора уровни зарядки на опустошённом конденсаторе поползли вверх, и скорость подъёма возрастёт по мере увеличения скорости “Сперанцы”.

Экстренный прыжок раскидал флот словно зёрна, случайно разбросанные сельскохозяйственной сеялкой, и прошло ещё три часа, прежде чем удалось связаться с другими судами. Один за другим корабли флота сообщали о своём местоположении и начали медленный процесс перегруппировки. Перерабатывающие суда и корабли-генераторы собрались вокруг “Сперанцы”, громадные шлангокабели соединили их с ковчегом Механикус, чтобы утолить изголодавшийся по топливу и энергии флагман. Десять судов опустели, прежде чем “Сперанца” достаточно насытилась и могла продолжить путешествие.

Из рассеянного флота больше всех повезло родственным душам и однотипным кораблям “Дитя Луны” и “Дитя Гнева”, они оказались на день впереди “Сперанцы”. “Адитум” выпрыгнул вблизи могучего судна, а “Кардинал Борас” лежал на траверзе меньше чем в пятнадцати часах. Эскорты “Мортис Фосс” и “Клинок Фосса” были не столь удачливы и отстали, по крайней мере, на сутки в глухом космосе.

Несмотря на многочисленные попытки определить местонахождение “Клинка Чести” при помощи ауспиков дальнего действия, мощных сканеров-авгуров и астропатических посланий так и не удалось найти ни малейшего следа третьего корабля с Фосс Прайм. Флот продолжал поиски столько, сколько архимагос Котов счёл целесообразным, но каждый капитан в глубине души знал, что долго задерживаться в глухих заливах между системами слишком опасно и рискованно.

Капитаны уцелевших фоссианских кораблей потребовали дополнительное время на поиски, но Котов отказал и пригрозил освободить обеих женщин от командования, если они не исполнят его приказы на полной скорости следовать к далёкой границе системы. “Мортис Фосс” и “Клинок Фосса” неохотно повернули носы к Валетте и подчинились.

На уцелевших судах трижды ударили в великий колокол в Верховном Храме Омниссии: за потерянный “Клинок Чести”, за потерянных детей Бога Машины и за смертные души на его борту.

Экспедиция двигалась дальше, хотя корабли так сильно рассеялись и растянулись, что не соответствовали ни одной доктрине Флота, регламентирующей конвои, но, по крайней мере, вместе и в близком боевом порядке. Ведомый “Дитём Луны” и “Дитём Гнева” флот Котова следовал прямым курсом к одинокому аванпосту, который двести тридцать пять лет путешествовал по орбите звезды в центре системы.

Манифольдная станция Валетте Механикус.

Последняя точка контакта с потерянным флотом магоса Телока.